

К.П. КУРЫЛЕВ, Н.П. ПАРХИТЬКО, Д.В. СТАНИС

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ФИЛОСОФСКОМ ТЕЧЕНИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Основная задача статьи – рассмотреть процесс философского осмысления особого пути национального развития России на примере духовно-идеологической платформы славянофилов в середине XIX в. Многие из выводов и решений, предложенных Россией представителями данного философского течения, представляются актуальными и сегодня. Понимание идей, лежащих в основе их мировоззрения, во многом помогает лучшим образом понять и современную Россию. При подготовке статьи применялся историко-философский методологический инструментарий: метод исторического анализа, метод индукции и метод диалектического сравнения.

Ключевые слова: *Россия, славянофильство, философия, внешняя политика, детерминанты, исторический выбор, миссионерство*

В период царствования Николая I, известного усилением абсолютистского давления на интеллектуальную жизнь, российское общество вступило, тем не менее, в эпоху подъема национального самосознания. Взлет национального духа, породивший А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, происходил не только в литературе, но также и в философии. Чем шире распространялось на Россию влияние новейших европейских учений, в том числе немецкой метафизики, тем яснее вырисовывалась нетождественность философского подхода, основанного на западных теориях, решению национальных проблем. В этих условиях в 1830–1840-е гг. формируется новое направление философской и общественно-политической мысли – славянофильство, центром которого стала Москва, основными приверженцами – выпускники Московского университета, молодые образованные дворяне. Родоначальниками движения были А.С. Хомяков и И.В. Киреевский; к ним примкнули Ю.Ф. Самарин, К.С. и И.С. Аксаковы, А.И. Кошелев и др. Представители этого идейного течения, называвшие себя «московским направлением» (в противоположность «петербургскому»), в ходе журнальных дискуссий 1840-х гг. закрепили за собой литературно-публицистическое название «славянофилы», в дальнейшем вошедшее в общее употребление.

Славянофильство как явление русской философской мысли представляет собой своеобразный синтез философских, исторических, богословских, экономических, политических, эстетических, этнологических, географических идей. Теоретическим ядром этого синтеза стала специфически истолкованная «христианская философия», которую по праву считают крупным направлением оригинального русского философствования, оказавшим заметное влияние на концепции Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, систему В.С. Соловьева, философские построения С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева и др.

Середина XIX в. выдалась богатой на политические события, многие из которых легли в основу «тектонических» сдвигов в мировой политической жизни в начале XX в. Национально-освободительное движение славянских народов, оказавшихся под властью Османской Империи, революционное «брожение» в странах Европы, охранительная политика России, выразившаяся в ужесточении режима правления Николая I как во внутренней, так и во внешней политике, – эти факторы заложили в дальнейшем основу для коренного пересмотра и даже ломки устоявшихся норм и правил Вестфальской системы международных отношений уже в первое десятилетие XX в.

В России процесс формирования гражданского самосознания еще со времен реформ Петра I традиционно воплощался в дискуссиях о будущем страны и путях ее развития. Однако к середине XIX в. в стране был накоплен столь колоссальный «материал» к рассуждению, что он не мог не трансформироваться в философское или, как минимум, политическое течение, отражающее суть того или иного подхода, которые условно можно разделить на *революционный* (насильственную или же, преимущественно, кардинальную смену внутри- и внешнеполитического курса страны) и *эволюционный* (поступательно-реформаторский путь, во многом сохраняющий существующие культурно-нравственные нормы, включая в себя ряд изменений политического, социального и экономического характера). Славянофилы и их основные идейные оппоненты – западники, как две интеллектуальные элитные группы, представляющие разные ориентиры в национальном сознании России, отдавали себе отчет, что их дискуссии не носят некоего абстрактного характера и их диалог в конечном счете ведет к «созданию политической программы для будущего развития государства»¹.

Сегодня трудно определить, кому из теоретиков славянофильства принадлежит ведущая роль в его становлении. Исходные идеи славянофилов обозначались в 1830-х гг. у И. Киреевского. Он отмечал, что «болезненная культура так называемой образованной России вытекает из нелепой попытки переделать народное мирозерцание – переделать его так же невозможно, как невозможно пересоздать кости сложившегося организма»². Согласно славянофилам, между Россией и Европой лежит пропасть: отличия европейской цивилизации произошли вследствие действия трех факторов, которых не знала Россия – классического мира, католической церкви, германского завоевания³. И то, и другое, и третье направили европейскую историю к жесткому, рационалистическому миропониманию. Киреевский считал, что из классического мира Европа заимствовала, главным образом, римское начало с его холодным эгоизмом и юридическими формами. Римский католицизм – христианство, стесненное духом сухой, формалистической логики, Папская власть,

¹ Философия славянофилов 2015.

² Коллюпанов 1894.

³ Гершензон 2016.

господство церкви над государством, схоластика – были установлены путем логических выводов. Из того же рационализма произошли, в конце концов, и реформация, и отрицательная критика. Хотя русское общество отставало в науке и общественном устройстве от Запада, но главное – оно обладало нетронутой народной верой. «Духовными университетами» русского народа были монастыри, а в обязанность высокообразованных людей входила задача развивать заложенные в народной жизни духовные начала вместо того, чтобы относиться к ней свысока.

Философские взгляды Киреевского были изложены главным образом в очерках «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (1832) и «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856). Основополагающим для него было понятие цельности духа, определяемое как «средоточие умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и цельное единство». Идея цельности духа восходит к святоотеческой традиции, покоящейся на незыблемости предания, и противостоит западной раздробленности, основанной на различных мнениях, а не на убеждениях, на формальном рассудке, а не на вере. Киреевский не отрицает разум как средство постижения мира, он лишь выступает против подавления веры отвлеченным рассудком. Разум не вправе заменять высших притязаний веры на божественную истину, а должен стремиться к своему «возвышению», т.е. стремиться соединить воедино все его способности – логические, эстетические, нравственные (сердечные), не противоречащие вере, а дополняющие ее. Такая позиция определила и общий взгляд Киреевского на предмет философии: он считал, что «философия не есть одна из наук и не есть вера. Она общий итог и общее основание всех наук, и проводник мысли между ними и верою»⁴.

Если статьи Ивана Киреевского раскрывают общие основания философии славянофилов и её связь с аналогичными западными течениями, то отдельные духовные и религиозные стороны философского течения полнее обозначились в трудах Алексея Хомякова, Константина и Ивана Аксаковых, Юрия Самарина. И хотя к формулировке внешнеполитической концепции славянофилов подобные мысли имели лишь косвенное отношение, их, все же, стоит кратко рассмотреть.

А.С. Хомяков много занимался богословскими вопросами. Вполне уместно считать, что его очерк «О старом и новом» (1839) положил духовное начало славянофильству⁵. Среди поставленных им ключевых вопросов – соотношение России и Запада, оценка реформ Петра I как поворотного пункта в истории России, роль религии в истории вообще и православия в русской истории, в частности. Хомяков отстаивал «органический взгляд» на развитие общества, в основе которого лежит идея саморазвития: «Общество, которое вне себя ищет сил для самосохранения, уже находится в состоянии болезненности». Русская история вовсе

⁴ Киреевский 1911: 252.

⁵ Философия 2005.

не идеальна и бескризисна: напротив, она сложна и драматична. Однако ее развитие, преодоление болезненных состояний не может быть осуществлено внешними, лежащими за ее пределами силами. Главным условием сохранения жизнеспособности России, по Хомякову, является Православие⁶, но существующую православную церковь он нередко подвергал критике, и свои богословские сочинения не мог печатать в России, так как они не пропускались духовной цензурой. Хомяков стал первым в России светским религиозным мыслителем, по-новому, с философской точки зрения трактовавшим основы православного вероучения.

Говоря о внешнеполитическом направлении своих рассуждений, славянофилы всегда подчеркивали, что являются сторонниками национальной внешней политики России. Естественным для русского сознания была солидарность со славянскими народами, тем более, что развитие внешнеполитической обстановки от начала и вплоть до середины XIX в. определенно располагало к этому. Именно в этот период российское национальное сознание делает качественный шаг вперед. Масштабному осмыслению подвергается международная жизнь в целом. В.О. Ключевский отмечал, что «национальное» или «национальный принцип» во внешней политике России появляется именно в начале XIX в.⁷ Борьба за сохранение независимой государственности в Отечественной войне 1812 г. и обеспечение безопасности на южных рубежах составляли основное содержание российской внешней политики, которая, во многом под влиянием победоносного освободительного похода в Европу трансформировалась в панславистскую идею.

Панславистская идея в среде славянских народов возникла и развивалась в рамках тех общих процессов, которые происходили в Европе начиная с первой четверти XIX века, когда идеи народного суверенитета и самоопределения распространялись от империи к империи, поднимая национальную волну, в конечном счете разрушившую многонациональные имперские государства. Славянские народы, лишённые самостоятельных государств и разобщённые под властью Турции и Австро-Венгрии, не утратили своей этнической памяти. Чем сильнее становилось Российское государство, тем отчётливее выражались стремления славян получить её поддержку в своей борьбе за освобождение. К правительству России с просьбой принять их под своё покровительство обращались как представители славянских церквей, так и светские элиты, что не могло не вызвать ответную положительную реакцию⁸.

Наиболее энергично воспринял эту идею И.С. Аксаков, чья активная публицистическая деятельность (в отличие от философской) приходится на 1860–1880 гг., когда славянофильство как целостное философское течение уже перестало существовать. Начало царствования Александра II в 1855 г. породило оптимистические надежды славянофилов на

⁶ Хомяков 1900-1904: 204.

⁷ Ключевский 1989: 181-184.

⁸ Задохин 2014: 6-14.

претворение в жизнь их идей. Свои воззрения по вопросу о «земле и государстве» Аксаков изложил в записке к Александру II «О внутреннем состоянии России», в которой характеризовал русский народ как «не государственный, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного». Главная задача государства заключается в решении военных вопросов, обеспечении работы правительства, органов законодательства и судопроизводства. Для этого необходимо восстановить деятельность Земского собора. Аксаков писал: «Правительству – неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая; народу – полная свобода жизни и внешней, и внутренней, которую охраняет правительство. Правительству – право действия – и, следовательно, закона; народу – право мнения – и, следовательно, слова»⁹.

Во внешнеполитическом аспекте Аксаков сосредоточил свое внимание на славянской проблеме. Интерес к судьбе славянских народов был присущ ему давно. Он был душой кружка, хлопотавшего после Крымской войны о создании в Москве Славянского комитета, и играл в комитете ведущую роль. В 1860 г. он долго путешествовал по Балканам, был лично знаком со многими славянскими деятелями. Отдельно стоит упомянуть международно-просветительскую деятельность, которую Аксаков осуществлял в рамках Славянских комитетов Москвы и Петербурга, созданных при активнейшем его участии.

Первоначально все эти структуры имели благотворительный характер, но в 1870-х гг. начали превращаться в организации, имеющие политическое значение. Идеологией большинства членов комитетов было славянофильство. Аксаков превратился в значительную политическую фигуру именно как неофициальный лидер комитетов. Будучи надворным советником в отставке (чин 7 класса), он заставлял прислушиваться к себе не только петербургские бюрократические круги, но и правительственные кабинеты европейских стран. Все это стало возможным благодаря влиянию на общественное мнение как России, так и славянских народов, которое обрел Аксаков за десятилетия неустанной деятельности. Не занимавшего никакого государственного поста Аксакова считали на Западе славянским Бисмарком, способным объединить разделенное славянство в одну державу под скипетром русского царя. Это было сильное преувеличение – петербургская бюрократия по-прежнему считала Аксакова своим врагом, но признавать его влияние на общественное мнение приходилось даже ей¹⁰.

Славянские комитеты России были частью гражданского общества, оказывавшего влияние на другие славянские народы. В 1867 г. была проведена в Москве славянская этнографическая выставка, на кото-

⁹ Теория государства у славянофилов 1898: 25-26.

¹⁰ Лебедев 2008.

рую приехали гости со всех славянских земель. Одновременно состоялся Славянский Съезд. К прибытию гостей Ф.И. Тютчев написал приветственное стихотворение «Славянам». Политическое значение Славянский Съезд приобрел благодаря присутствию галицийских деятелей, публично объявивших о русском характере галицких русин. Так, Яков Головацкий, говоря, обращаясь к великороссам: «Да придут все в сознание того убеждения, что мы по роду и по племени, по вере и по языку, по крови и по кости, искони один народ. Да живет великий, славянский, многомиллионный, русский народ!»¹¹. Успех съезда привел к росту влияния и популярности комитетов. Вскоре была создана издательская комиссия. Текущую деятельность комитетов регулярно освещали издания под редакцией Аксакова «День» и «Москва». Расширение деятельности комитетов привело к созданию в них четкой иерархии с постоянным аппаратом. На собрании членов комитета выбиралось «Особое исполнительное присутствие» во главе с председателем, секретарем, казначеем и несколькими постоянными членами. Славянские Комитеты находились в ведении министра внутренних дел, которому каждый комитет ежегодно должен был посылать отчет о своей деятельности, финансовом положении и т.п. Чиновная бюрократия всячески препятствовала деятельности комитетов, не давала создать единый всероссийский комитет, не позволяла открывать отделения в других городах России.

В 1875 г. обострение положения на Балканах привело к Восточному кризису. 12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. В тот же день петербургский, а 1 мая московский Славянские Комитеты были переименованы в Славянские Благотворительные Общества, но в народе все равно именовались Славянскими Комитетами. Председателем Московского Общества стал И.В. Аксаков. Летом 1875 г. Аксаков вплотную занялся сбором пожертвований для восставших; весной 1876 г. участвовал в отправке в Сербию генерала М.Г. Черняева. Опубликованное им воззвание Московского славянского комитета способствовало сбору средств и притоку добровольцев, стремившихся попасть в Сербию. Аксаков констатировал «процесс народного созревания»¹² и приветствовал переход славянского дела из «отвлеченности», когда оно было делом лишь ученых мужей, в «действительность», когда оно становилось достоянием многих. По его инициативе московский Славянский комитет организовал всероссийский сбор пожертвований на нужды балканских славян, при его посредничестве состоялся частный заем сербскому правительству, он руководил отправкой добровольцев в сербскую армию. Используя свои связи в среде предпринимателей, он закупал в Германии оружие и обеспечивал его бесплатную доставку по железной дороге на Балканы, игнорируя прямой запрет российского правительства. Начавшуюся в 1877 г. войну России с Османской империей он считал войной освободительной, видел в ней «осуществление вещей надежд» старых

¹¹ Первый всеславянский съезд в России 1867: 42.

¹² Ширинянц 2008.

вождей славянофильства. Именно годы Восточного кризиса сделали имя Ивана Аксакова широко известным как в России, так и на Балканах.

Победоносный ход (но отнюдь не исход!) русско-турецкой войны он приветствовал как возрождение к новой жизни «целых племен и стран». 19 февраля 1878 г. было подписано предварительное перемирие в Сан-Стефано, по которому Турция теряла почти все свои европейские владения, на территории которых создавались независимые славянские государства. Однако Аксакова не удовлетворили итоги Сан-Стефанского мира, поскольку Константинополь и проливы оставались у турок. Выступая 5 марта в Москве перед членами Славянского комитета, он заявил, что «восточный вопрос еще не порешен, Царь-Град не очищен от азиатской скверны и задача России решена еще не вполне»¹³. Одновременно он высказал опасения, что русская дипломатия готова уступить давлению западных держав. Эти опасения оказались не напрасны. Россия была вынуждена под влиянием Запада согласиться на проведение международного конгресса в Берлине, на котором потерпела сокрушительное дипломатическое поражение. Именно тогда появилась язвительная метафора о том, что Россия выиграла войну, но проиграла мир.

22 июня 1878 г. Аксаков выступил на собрании в Московском Славянском комитете (Славянском благотворительном обществе), где с небывалой резкостью обрушился на российскую дипломатию за ее согласие «по живому телу» расчленив Болгарию. Он убеждал слушателей, что «кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще к Европе Восточной, нет ни предела, ни меры». Столь резкая для философа речь, да еще произнесенная при знаковых для европейской дипломатии обстоятельствах, прогремела на весь мир. Обращаясь к аудитории, ходе Аксаков задался вопросом: «Не хоронить ли собрались мы здесь сегодня... миллионы людей, целые страны, свободу болгар, независимость сербов, хоронить русскую славу, русскую честь, русскую совесть?». Далее он подверг жесткой критике русских дипломатов за их согласие на расчленение освобожденной Болгарии на три части, из которых только одна получала относительную независимость: «Нет таких слов, чтобы заклеить по достоинству это предательство, эту измену историческому завету, призванию и долгу России». Аксаков столь же критически отзывался и о тех пацифистах, которые приветствовали результаты конгресса, ссылаясь на то, что война России со всей Европой не состоялась: «Конгресс не дает мира беспечного – будет лишь вооруженный мир, самая пагубная вещь и для финансов, и для коммерции»¹⁴.

Аксаков, имея большие связи в славянских кругах, был информирован о реальной расстановке сил в Европе не хуже, чем российские военные и дипломаты. Он доподлинно знал, что все ультиматумы западных государств к России – это блеф, реально к войне никто из них не был готов, и ситуация 1854 г. не могла повториться. Перед угрозой ре-

¹³ Лебедев 2008.

¹⁴ Аксаков 1886: 27–38.

волюции стояла Австро-Венгрия, для которой первые же неудачи в случае войны с Россией привели бы к распаду. Англия никогда не воевала, не имея сухопутного союзника, а им в тот момент была только уязвимая Австро-Венгрия. «Железный канцлер» Бисмарк всегда был против войны с Россией, тем более из-за Балкан, которые, по его словам, «не стоят костей померанского гренадера». В силу этого Германия занимала в данном кризисе примирительную позицию. Уступки российской дипломатии действительно были ничем не оправданы.

Издатель журнала-газеты «Гражданин» кн. В.П. Мещерский напечатал речь Аксакова в специальном прибавлении к газете, за что это издание было временно приостановлено цензурой. Сам Аксаков послал текст речи в Прагу, и она тотчас появилась в чешских газетах. Вскоре речь начали обсуждать во всей Европе. И реакция правящих кругов России не заставила себя ждать. Аксакову был объявлен строгий выговор от московского генерал-губернатора, а затем он был смещен с поста председателя Московского Славянского комитета. Славянский комитет был упразднен, а Аксаков выслан из Москвы. Он жил в имении своей жены А.Ф. Тютчевой в с. Варварино Владимирской губернии, где продолжал активную переписку с русскими и зарубежными деятелями. К нему поступали потоки писем со всей России и из-за рубежа. Южные славяне и поныне не забыли роль Аксакова в деле освобождения их народов – на Балканах его речь вызвала широкий и благодарный отклик.

В своем видении русской государственности И.С. Аксаков был не одинок. Философия, лежащая в основе подхода славянофилов практически ко всем вопросам государственного устройства, имеет черты некой самостийности. Причем, такой компонент, как «духовность», играет отнюдь не последнюю роль не только в вопросах внутригосударственной организации, но эти же принципы экстраполируются и на внешнюю политику, подменяя собой прагматический подход, присущий странам Запада, в первую очередь, англо-саксонской цивилизации. В качестве единого знаменателя для подобной духовно-ценностной системы славянофилы предлагали российское самодержавие. Именно это политическое устройство ими позиционируется как некая «мера всего». Брат Ивана Аксакова Константин писал: «...такое устройство согласно с духом России, следовательно, уже по одному этому для нее необходимо, – утвердительно можно сказать, что такое устройство само по себе есть единое истинное устройство на земле. Великий вопрос государственно-народный лучше решен быть не может, как решил его Русский народ»¹⁵.

Таким образом, перед социальной философией славянофильства возникали две параллельные задачи: нужно было, во-первых, дать теоретическое обоснование «единого истинного устройства на земле», иначе говоря, выработать теорию общественного идеала, независимо от его национально-исторического воплощения; и, во-вторых, определить сущность «русского исторического государственного начала», найти для

¹⁵ Записка «о внутреннем состоянии России» 1898: 29.

русского государственного строя те соответствующие ему научные категории, до которых оказалась не в силах дойти «западная наука»¹⁶. В результате должно было получиться, что русское историческое государственное начало есть не что иное, как реальное и конкретное выражение общественного идеала, осуществление правды на земле.

Проявляя столь «имперские» философские амбиции, подкрепленные просветительской мыслью, пронизывающей практически любое сочинение, письмо и даже простое высказывание славянофилов, они не могли не привлечь к себе внимание со стороны государства. И внимание это было отнюдь не покровительственным. Петербургский деятель Юрий Самарин, опасавшийся (и небезосновательно) российской цензуры, и издававший свои труды в виде «Записок» в Англии и Германии, писал друзьям в Москву: «Власть убеждена, что в Москве образуется политическая партия, решительно враждебная правительству, что клич, здесь хорошо известный, – да здравствует Москва и да погибнет Петербург, значит: да здравствует анархия и да погибнет всякая власть»¹⁷. Понятно, что столь серьезные политические обвинения со стороны правительства были совершенно беспочвенными. Тем не менее публикации славянофилов зачастую подвергались цензуре, за каждым публичным действием кого-либо из них был установлен строжайший надзор, попытки создания ими регулярных изданий преследовались и пресекались.

Анализ концептуальных основ философского течения, получившего название «славянофильство», помогают нам осмыслить две ключевые особенности данного явления. Первая – это отношение к государственному строю в России и к государству как общественно-политическому явлению. Вывод напрашивается достаточно очевидный: при некоторых разночтениях в формулировках и видении проблемы, славянофилы считали реально существующую российскую монархию искажением идеи истинного самодержавия и противопоставляли «петровский, перенесенный из Запада и переложенный на русские нравы абсолютизм» «самодержавию по древним русским понятиям»¹⁸. Ориентируясь на исторический опыт Московской Руси, они разработали свою схему взаимоотношений царя и народа, или, в их терминологии, «власти» и «земли». Создатель этой схемы К.С. Аксаков наиболее полно изложил ее в упомянутой записке «О внутреннем положении России» (1855) на имя императора Александра II¹⁹. Самодержавие, по К.С. Аксакову, не должно быть политически ограниченным, но зато оно, в свою очередь, не должно посягать на бытовую и религиозную свободу народа, который имеет право доносить до верховной власти свои чаяния и нужды.

Концепция К. Аксакова легла в основу политической теории поздних славянофилов. Его «Записка» была впервые опубликована в 1881 г.

¹⁶ Устрялов 1925: 45.

¹⁷ Самарин 1911: 151, 281.

¹⁸ Аксаков 1881: 79.

¹⁹ См.: Цимбаев 1972: 51-60.

(Русь, № 26-28) и сразу же приобрела значение программного документа. Опираясь на идеи Аксакова, славянофилы выдвигали следующий проект государственного устройства: 1) гармоническое сочетание неограниченного самодержавия с широким местным самоуправлением; 2) связь «земли» и «власти» через всеобщие Земские Соборы, имеющие совещательные, но не законодательные функции; 3) радикальное ограничение властных полномочий бюрократии. Иван Аксаков так излагал славянофильский политический идеал: «Государство, стерегущее, охраняющее заботливо земский строй; земский строй, берегущий, охраняющий государство; государство постоянно вызывающее голос земли, ищущее доброго совета для свершения своего великого служебного подвига; земля не безгласная, советная, но притом беспрекословно покорная велениям государственной власти; центральная власть самая свободная, самая мощная – при самом широком земском местном самоуправлении; власть – не механический бездушный снаряд (вроде случайного большинства нескольких голосов), а живая, личная с человеческим сердцем; земство – не формальное представительство, а живое органическое выражение интересов и духа самой земли. Вот основы нашего политического организма, лежащие в духе народном, нашедшие себе, хотя бы и неполное выражение в старой Руси и которых полное развитие – тот идеал, к которому мы теперь стремимся»²⁰.

Одна из центральных идей поздних славянофилов – идея «политического освобождения от иноплеменной власти и объединение угнетенных и разрозненных славянских народностей» – предполагала активизацию внешней политики, ведущую, в перспективе, к войне с Турцией и Австро-Венгрией, но этим их внешнеполитические притязания не ограничивались. А.А. Киреев полагал, что «...для России в Европе только один интерес – Славянские земли, все наши интересы в Сибири, в Китае, Центральной Азии, а не в крохотной Европе!»²¹. На том же настаивал И.С. Аксаков: «Хотя Россия, несомненно, стоит во главе Славянства и вся его сила в ней, но в ней славянская стихия не исчерпывается только этнографическим племенным определением и скромною задачею политической независимости, как для прочих Славянских племен, а призвана к мировому самостоятельному значению»²². Он приветствовал расширение России на Восток и на Юг, присоединение Средней Азии (он думал, что распространение империи на Восток нужно продолжать вплоть до Гималаев, Китайской стены и Тихого океана), резко негативно воспринял продажу Аляски США²³. Особое внимание уделялось овладению черноморским бассейном: «Без Черного моря Россия немыслима. Оно должно быть совсем русским, со всеми своими проливами»²⁴. При

²⁰ Аксаков 1881: 687- 688.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 242.

²² Аксаков 1998: 23.

²³ Бицилли 1992.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 265. К. 181. Ед. хр. 14. Л. 200.

таком геополитическом подходе внешнюю политику России (по И. Аксакову) уже не приходится называть сугубо охранительной. В ней действительно прослеживаются имперские черты, хотя их предел довольно четко ограничен «славянским ареалом».

Таким образом, принципиально важной особенностью славянофильства (в частности – позднего) является его панславизм. В этом пункте оно в определенной степени отличается от раннего, хотя, как мы уже показали, панславистские настроения были свойственны и «классикам», так что дело только в более ярком проявлении этих настроений, а не в их наличии. Любопытно, что некоторые славянофильские последователи (Н.П. Аксаков, П.П. Перцов) упрекали «отцов-основателей» в излишнем «русофильстве»²⁵. Так или иначе, славянский вопрос стал в славянофильской публицистике 1880-х и 1890-х гг. одним из центральных. Материалы о «братьях-славянах» заполняли не менее половины объема славянофильских журналов и газет. И. Аксаков писал: «Славянский вопрос есть вопрос Русский и Русский вопрос есть Славянский. Отрекаясь от Славян – Россия перестанет быть не только Славянской, но и Русской державою»²⁶. Демонстрируя концептуальную преемственность, почти ту же мысль отстаивал и последователь Аксакова С.Ф. Шарапов: «России отречься от славянской идеи нельзя – это значило бы отречься от себя самой». А.В. Васильев, занимавший высокий пост в Министерстве иностранных дел, также констатировал: «Все славянское племя есть разнообразный в своих частях, но тем не менее единый, целостный народный организм, одно живое народное тело»²⁷.

Славянофилы мечтали о славянском политическом единстве, когда «около России – добровольно и не теряя самостоятельности сгруппируются единоплеменные слабейшие народности» (А.А. Киреев). Предполагались и конкретные пути к этому объединению, и его формы. Тот же А.В. Васильев полагал, что после «освобождения от иноплеменной власти» (очевидно, с помощью русского оружия или, как минимум, русских добровольцев) славянские народы войдут в единый Всеславянский Союз, в котором будут пользоваться примерно такой же самостоятельностью как Финляндия в составе Российской Империи. Н.П. Аксаков предлагал в качестве образца такого Союза Германию (на примере германских княжеств и городов-государств, объединившихся в 1871 г. в Германскую Империю). Славянские пристрастия у поздних славянофилов были настолько сильны, что они порой предпочитали племенной принцип конфессиональному. Так, А.В. Васильев был уверен, что следствием политического объединения славянства будет его «духовное объединение», в частности, «уничтожение в нем вероисповедной розни»²⁸. Каким образом произойдет такой переворот он, правда, не объяснял.

²⁵ Сучков 1992: 35; Перцов 1913: 8.

²⁶ Аксаков 1881: 569, 791.

²⁷ Русское дело 1888: 2.

²⁸ Васильев 2015.

Итак, если попытаться выделить основные детерминанты во внешней и внутренней политике России, которые отстаивались славянофилами в качестве исторически, морально и политически обоснованной (пожалуй, именно в этом порядке и стоит их перечислять), то они могут быть представлены в виде следующих приоритетов:

1. Прежде всего, это миссионерская роль России, заключающаяся в ее первостепенной поддержке национально-освободительного движения славянских народов, оказавшихся под гнетом Османской Империи или же Австрии. Культурное и религиозное единение с этими народами для России стоит на первом месте, не уступая места, подчас, даже политической логике (сохранению нейтралитета по аналогии с американским вариантом в назревающей Первой мировой войне Россия предпочла немедленное вступление в войну в защиту Сербии, несмотря на военнотехническое отставание от основного противника – Германской Империи – и сложную внутривнутриполитическую ситуацию). Отношения со славянскими странами Балканского региона (в первую очередь, с Сербией), всегда были органической частью русского национального самосознания. Именно поэтому основной детерминантой внешней политики России, по учению славянофилов, должно было стать покровительство над этими народами и защита их от всякого рода нападений как со стороны иноверного Востока, так и со стороны корыстного Запада.

2. В качестве второй детерминанты следует назвать исторически сложившееся русское охранительство. Хотя на первый взгляд, это понятие относится сугубо к особенностям внутренней политики (например, режим цензуры или ограничение гражданских прав и свобод в угоду тому или иному царю/правителю/режиму, и т.д.), в историческом контексте оно представляется значительно глубже. Начиная со времен князя Игоря и вплоть до настоящего времени (аналогично середине XIX в.), военные походы Древней Руси, Московского княжества (на Западе часто называемого «Московией»), допетровской России, Российской империи, носили сугубо оборонительный, либо союзнический характер. Более того, само название «империя» можно воспринимать с известной долей условности, принимая во внимания тот факт, что у России никогда не было зарубежных колоний, а территории, на разных этапах истории входившие в ее состав, подвергались культурному и промышленному освоению, исключаяющему в то же время насильственную ассимиляцию или же торговый протекционизм со стороны метрополии (Москва или Петербурга – в данном контексте это не столь принципиально). Ни один из вошедших в состав Российской Империи этносов не только не исчез, но все они резко увеличились в численности и, как правило, увеличили территории своего проживания.

Если же мы обратимся к опыту Западной Европы, то увидим, что там более половины из существовавших еще в начале Нового времени этносов были либо ассимилированы, либо уничтожены государствообразующими нациями (в частности, западные славяне, проживавшие на

большей части территории нынешней Германии). Не говоря уже о том, что в процессе колонизации европейские народы почти полностью уничтожили население трех континентов – обеих Америк и Австралии – как правило, проводя по отношению к ним политику целенаправленного геноцида, которая прекратилась лишь к середине XX в. Наоборот, только благодаря вхождению в состав Российской Империи целый ряд этносов – в частности, украинцы, эстонцы, грузины, латыши, армяне, молдаване и др. – были спасены от геноцида и ассимиляции²⁹.

Русское национальное самосознание никогда не основывалось, и в принципе не могло основываться, на шовинизме – в противном случае княжеская Русь никогда не стала бы великой Россией. Великую державу невозможно создать насильем – даже при самой великолепной армии завоеванная территория не удерживается долго, если ее население не почувствует общую державу *своей*³⁰ и не станет служить ей не на страх, а на совесть. История России также свидетельствует, что подавляющее большинство входивших в ее состав народов и территорий не только делали это добровольно, но и более того, долгое время просили и умоляли русского царя взять их под свою защиту. Более того, склоняясь на эти просьбы, царь очень часто шел против интересов своей державы, вовлекая ее в длительные войны с сильными соседями – исключительно из этических побуждений защиты единоверных братьев (как это было с Малой Русью или Грузией) или защиты малых народов от их не в меру хищных соседей (так чаще всего было с народами Азии, освобожденных Россией от ига ханств-наследников Золотой Орды).

Н.А. Бердяев отмечал: «Россия – самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины... Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже – увьи! – чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других»³¹.

Таким образом, идея сохранения России в ее естественных культурно-национальных границах, также может быть фундаментально взята за основу ее внутри- и внешнеполитического курса с учетом исторической преемственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. I. Славянский вопрос. 1860–1886 // М.: Тип. М.Г. Волчаннинова. 1886. 789 с. [Aksakov I.S. Poln. sobr. soch. T.I. Slavjanskij vopros. 1860–1886 // М.: Тип. М.Г. Volchaninova. 1886. 789 p.]
- Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Изд. 2-е. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1891–1903. Т. II, V [Aksakov I.S. Poln. sobr. soch. Izd. 2-e. Spb.: tip. A. S. Suvorina, 1891–1903. T. II, V]
- Аксаков И.С. Где границы государственному росту России // Русский геополитический сборник. 1998. № 3 [Aksakov I.S. Gde granicy gosudarstvennomu rostu Rossii // Russkij geopoliticheskij sbornik. 1998. № 3]

²⁹ Даренский 2014.

³⁰ Там же.

³¹ Бердяев 1990: 8.

- Аксаков И.С. Речь вице-президента Московского Славянского Благотворительного Комитета в заседании 24 октября 1876 года. М. 1876. 37 с. [Aksakov I.S. Rech' vice-prezidenta Moskovskogo Slavjanskogo Blagotvoritel'nogo Komiteta v zasedanii 24 oktjabrja 1876 goda. M. 1876. 37 p.]
- Аксаков К.С. Полное собрание сочинений: [в 3 т.] / под ред. И.С. Аксакова. М. 1861-1880. Т. I. Сочинения исторические. М., 1861. 232 с. Т. II. Сочинения филологические. Ч. 1. М., 1875. 660 с. Т. III. Сочинения филологические. Ч. 2. Опыт русской грамматики. М., 1880. 151 с. [Aksakov K.S. Polnoe sobranie sochinenij: [v 3 t.] / pod red. I.S. Aksakova. M. 1861-1880. T. I. Sochinenija istoricheskie. M., 1861. 232 p. T. II. Sochinenija filologicheskie. Ch. 1. M., 1875. 660 p. T. III. Sochinenija filologicheskie. Ch. 2. Opyt russkoj grammatiki. M., 1880. 151 p.]
- Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. Репр. Воспроизведение изд. 1918 г. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с. [Berdjaev N.A. Sud'ba Rossii: opyty po psihologii vojny i nacional'nosti. Repr. Vosproizvedenie izd. 1918 g. M.: Filosofskoe obshhestvo SSSR, 1990. 240 p.]
- Бицилли П.М. Иван Сергеевич Аксаков и его философия нации // Русский рубеж. 1992. № 2 [Bicilli P.M. Ivan Sergeevich Aksakov i ego filosofija nacii // Russkij rubezh. 1992. № 2]
- Гершензон М.О. Избранное. Исторические записки. Изд-во: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 352 с. [Gershenzon M.O. Izbrannoe. Istoricheskie zapiski. Izd-vo: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. 352 p.]
- Даренский В.Ю. Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации [Darenskij V.Ju. Imperija-donor: nravstvennyj podvig kak osnova rossijskoj civilizacii // URL: <http://rusrand.ru/analytics/imperija-donor-nravstvennyj-podvig-kak-osnova-rossijskoj-tsvivilizatsii>]
- Задохин А.В. Панславистская доктрина и русские славянофилы // Обозреватель-Observer. 12 / 2014. С. 6-14 [Zadohin A.V. Panslavistskaja doktrina i russkie slavjanofily // Obozrevatel'-Observer. 12/2014. Стр. 6-14]
- Записка о внутреннем состоянии России, представленная Александру Второму // Теория государства у славянофилов. Сборник статей. Т.1. СПб. 1898. 241 с. [Zapiska o vnutrennem sostojanii Rossii, predstavlenaja Aleksandru Vtoromu // Teorija gosudarstva u slavjanofilov. Sbornik statej. T.1. SPb. 1898. 241 p.]
- Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. Т. I / под ред. М. Гершензона. Изд-во «Путь». М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 289 с. [Kireevskij, I.V. Polnoe sobranie sochinenij. T. I / pod red. Gershenzona M. Izd-vo «Put'». M.: Tip. Imp. Mosk. un-ta, 1911. 289 p.]
- Ключевский, В.О. Сочинения. Москва: Мысль, 1987–1990. Т. 5: Курс русской истории, ч. 5. 1989. 486 с. [Ključevskij, V. O. Sochinenija. Moskva: Mysl', 1987–1990. T. 5: Kurs russkoj istorii, ch. 5. 1989. 486 p.]
- Колупанов Н.П. Очерк философской системы славянофилов // Русское Обозрение. 7. 1894 [Koljupanov N.P. Oчерk filosofskoj sistemy slavjanofilov // Russkoe Obozrenie. 1894. №7]
- Лебедев С. Русская народная линия. – Путь славянофила [Lebedev S. Russkaja narodnaja linija. – Put' slavjanofila // URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/07/24/put_slavyanofila]
- Миронов В.В. Философия славянофилов. Философия: учеб. для вузов [Mironov V.V. Filosofija slavjanofilov. Filosofija: uch. dlja vuzov // <http://www.e-reading.club/book.php?book=39113>]
- Первый всеславянский съезд в России, его причины и значение. М. 1867. 324 с. [Pervyj vseslavjanskij s'ezd v Rossii, ego prichiny i značenie. M. 1867. 324 p.]
- Ранние славянофилы: А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы / Сост. Н. Л. Бродский. Москва: Т-во И. Д. Сытина, 1910. LXVI. 206 с. [Rannije slavjanofily: A. S. Homjakov, I. V. Kireevskij, K. S. i I. S. Aksakovy / Sost. N. L. Brodskij. Moskva: T-vo I. D. Sytina, 1910. LXVI. 206 p.]
- Русское дело. 1888. № 1 [Russkoe delo. 1888. № 1]
- Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М. 1996. 608 с. [Samarin Ju. F. Izbrannnye proizvedenija. M. 1996. 608 p.]
- Самарин Ю.Ф. Сочинения в 12 томах. Т. 12. Письма 1840–1853. 1911. XII. 479 с. [Samarin Ju.F. Sochinenija v 12 tomah. T. 12. Pis'ma 1840–1853. 1911. XII. 479 p.]
- Сучков С.В. Аксаков Н.П. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия. 1994. 614 с. [Suchkov S.V. Aksakov N.P. // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'. M.: Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. 1994]

- Теория государства у славянофилов: сборник статей И.С. Аксакова, К.С. Аксакова, Аф.В. Васильева, А.Д. Градовского, Ю.Ф. Самарина и С.Ф. Шарапова. СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1898. 95 с. [Teorija gosudarstva u slavjanofilov: sbornik statej I. S. Aksakova, K. S. Aksakova, Af. V. Vasil'eva, A. D. Gradovskogo, Ju. F. Samarina i S. F. Sharapova. SPb.: Tip. A. Porohovshhikova, 1898. 95 p.]
- Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофильства (Идея самодержавия в славянофильской постановке) // Известия Юридического факультета / Высшая Школа в Харбине. Харбин. 1925. Том I. С. 47-74 [Ustrjalov N.V. Politicheskaja doktrina slavjanofil'stva (Idea samoderzhavija v slavjanofil'skoj postanovke) // Izvestija Juridicheskogo fakul'teta / Vysshaja Shkola v Harbine. Harbin. 1925. Tom I. Pp. 47-74]
- Философия славянофилов // Русская историческая библиотека [Filosofija slavjanofilov // Russkaja istoricheskaja biblioteka URL: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/2534-filosofiya-slavjanofilov>]
- Хомяков А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова в 8 т. Т. I. М.: Университетская типография. 1900. 417 с. [Homjakov A. S. Polnoe sobranie sochinenij Alekseja Stepanovicha Homjakova v 8 t. T. I. M.: Universitetskaja tipografija. 1900. 417 p.]
- Цимбаев Н.И. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» и ее место в идеологии славянофильства. Славянофильство и западничество // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 1972. № 2 [Cimbaev N.I. Zapiska K.S. Aksakova «O vnutrennem sostojanii Rossii» i ee mesto v ideologii slavjanofil'stva. Slavjanofil'stvo i zapadnichestvo // Vestnik Mosk. Un-ta. Ser. 8. Istorija. 1972. № 2]
- Ширинянц А.А. Русская мысль: Иван Аксakov. // Фонд исторической перспективы. [Shirinjan A.A. Russkaja mysl': Ivan Aksakov. // Fond istoricheskoy perspektivy // URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35872>]

Курьлев Константин Петрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра Теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; kuryljov@narod.ru

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра Государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов; dariona@mail.ru

Пархитко Николай Петрович, к.и.н., доцент, кафедра Теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов; scharnchorst@mail.ru

Crucial determinants of the Russian domestic and foreign policy in the philosophical thinking of the slavophiles The matter of historical succession

The main idea of this article is to consider the process of philosophical understanding of the special path of the national development of Russia on the example of the spiritual and ideological platform of Slavophiles in the middle of the XIX c. Many of the conclusions and decisions proposed by the representatives of this philosophical trend in Russia seem relevant today. An understanding of the ideas that underlie their worldview will in many ways help to better understand modern Russia. Working on the article, the authors used historical and philosophical methodological tools: the method of historical analysis, the method of induction and the method of dialectical comparison.

Key words: Russia, Slavophilism, philosophy, foreign policy, historical choice, missionary **Konstantin Kurylev**, D. Sc. (History), professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University (RUDN); kuryljov@narod.ru

Darya Stanis, Ph.D. in Economics, associate professo, Department of Public and Municipal Administration, Peoples' Friendship University (RUDN); dariona@mail.ru

Nikolai Parhitko, Ph.D. in History, associate professor, Department of Theory and History of Journalism; Peoples' Friendship University (RUDN); scharnchorst@mail.ru